

Ментальная «перезагрузка» цивилизации

https://zavtra.ru/blogs/mental_naya_perezagruzka_tcivilizatcii

новая нормальность и восход чёрного расизма



- Владимир Можегов

14+

Анализ фильма «Малефисента» 2014 года - на 18 стр.



От расизма к лицемерию

Сегодня ультралевые, Антифа, BLM, истеблишмент Демпартии и ведущие СМИ называют Америку страной системного расизма, требуя немедленно изменить это положение вещей. Снос американской цивилизации, который мы можем наблюдать фактически в прямом эфире, идет именно под антирасистскими лозунгами.

Что ж, своя правда в этом есть. С момента своего основания Америка действительно оставалась страной системного расизма. Действительно, неравенство в материальном положении продолжает, хоть и в смягчённом виде, существовать и сегодня. Число чёрных, находящихся в тюрьмах и под коррекционным контролем сегодня больше, чем

численность рабов в 1850 году. Американские социологи называют эту ситуацию новой стеной расовой сегрегации. Согласимся с этим, но и посмотрим теперь на другой фланг этого поля боя.

Там американские трампысты, реднеки, консерваторы отчаянно защищаются от ультралевых радикалов на улицах, фронтальной атаки СМИ и «новой нормальности». Против Америки и всей белой цивилизации в целом развёрнута настоящая война на уничтожение: с сожжением Библий в Портленде, покушением на памятники белым героям, сбрасыванием с «корабля современности» Аристотеля и Платона. Если взглянуть на всё это без свойственной левым экзальтации и абстрактных лозунгов, то нельзя не прийти к выводу: сегодняшнему американскому обществу просто не устоять без определённых расовых регуляторов. Ведь лицо американской преступности исторически – чёрное. Почему – другой вопрос. Или истеблишмент Демократической партии и правда считает, что снос белой цивилизации под корень пойдёт Америке только на пользу? Что ж, давайте попробуем разобраться.

Отцы-пилигримы, основавшие штат Массачусетс, Новую Англию и положившие начало американской государственности в целом, были истинными пуританами и большими мистиками. Пересечённый ими Атлантический океан они называли «Чёрным морем», власть старой, оставляемой ими Европы – «египетским Фараоном», Америку – «Обетованной землёй», а себя – «истинными святыми, народом избранных и наделённых сверхчеловеческой миссией». Относительно всех прочих людей и народов они также имели своеобразный взгляд, внушённый кальвинистским учением и его доктриной предопределения. Всех прочих, обделённых неисповедимым Богом, они причисляли к изначально и навечно отверженным, имеющим ценность пепла.

Ту же идею пуритане продолжали исповедовать и на индейских землях. Один из лидеров второго поколения пуритан – доктор Коттон Матер (1633-1728), плодовитый писатель и инициатор сожжения ведьм, неоднократно избиравшийся президентом Гарварда, говорил об индейцах как «детях сатаны». Он считал убийство язычников-дикарей «Божьей волей». Избегнуть излишней чувствительности Матеру и другим отцам-пилигримам помогали следующие аллегории: **«Когда Господь Бог твой истребит народы, которых землю даёт тебе Господь Бог твой и ты вступишь в наследие после них и поселишься в городах их и домах их» (Втор. 19:1)...** **«Господь Бог твой Сам пойдёт пред тобою; Он истребит народы сии от лица твоего, и ты овладеешь ими...» (Втор. 31:3).**

Работорговля также оправдывалась уже не только выдержками из Второзакония, но и сказаниями о патриархе Ное, проклявшем своего сына Хама и отдавшем его в рабство двум другим своим сыновьям, Симу и Иафету. Оба свободных «сына Ноя» (от одного из которых произошли, как считалось, евреи, а от другого – европейцы) вступили, подобно ветхозаветному патриарху, на Новую Землю.

Первая в мире демократическая Конституция Америки была конституцией

рабовладельческого государства. Она разрешала ввоз рабов, запрещала способствовать их побегу, а при определении численности населения обязывала учитывать только три пятых от общего числа рабов в каждом штате (здесь вместо слова «рабы» использовался оборот *other persons* – «другие люди»). Конституция обещала сохранение института рабства минимум на ближайшие двадцать лет. Фактически же рабовладельческой американская республика просуществовала еще 77 лет и отменила рабство лишь в последний год Гражданской войны.

К середине XIX века мессианизм «Города на холме» оделся в респектабельные светские одежды и получил развитие в идее «явного предначертания», согласно которой Бог predetermined существование Американских Штатов от Атлантического океана до Тихого. Отношение «избранной нации меньшинства» оставалось столь же безжалостным к лишённым спасения «внешним». Преподобный Уильям Кроуфорд со смущением признавал: *«Существуют только одни настроения в отношении окончательного решения, которое должно быть принято в отношении индейцев: пусть они будут уничтожены, мужчины, женщины и дети»*. Это писалось в 1864 году об отношении белого населения Колорадо в отношении индейцев, воевавших в тот момент на стороне Севера.

Настроения Южных штатов были схожи. По «Закону о переселении», принятом в 1830 году президентом Джексоном, шесть самых многочисленных племён Юга были выселены к западу от Миссисипи. Сегодня этот закон назвали бы «расовой чисткой». Первый закон, защищающий североамериканских индейцев, был принят в Калифорнии лишь в 1850-м (для сравнения: католические испанские власти издали подобный закон в 1542 году). Но и сам этот калифорнийский закон, предоставляя индейцам хоть какую-то юридическую защиту, лишь утвердил их неравенство относительно белого населения.

Подобное отношение существовало и к неграм. К 1860 году из 12-миллионного населения Америки четыре миллиона были рабами. Ещё около полумиллиона свободных негров подвергались жёсткой сегрегации на Севере и на Юге. В Америке середины XIX века «неотъемлемое неравенство рас» объявлялось сущностью человеческой природы, признавалось «научно-доказанным фактом» и закреплялось законодательно.

К середине XIX века наступило время «рождения нации» уже не в масштабах Новой Англии только, но в масштабах всего континента. Именно в этом (а конечно, не в «освобождении негров») и был главный смысл Гражданской войны. И, как бы странно это на первый взгляд ни звучало, настоящим взлётом расовых проблем и расовой ненависти ознаменовалась именно «эпоха освобождения».

Конечно, и до освобождения негры на Севере и на Юге признавались низшей расой. Но Север не сталкивался с негритянской массой, на Юге же чёрные были жёстко встроены в незыблемую систему отношений. При этом белые не только использовали рабский труд

чёрных, но и заботились о них, лечили, обучали основам веры, а порой и основам ведения бизнеса, как это практиковалось в хозяйстве президента конфедерации Джефферсона Дэвиса.

После освобождения массы бывших рабов оказались на Севере, где, как им говорили, они могли стать «полноценными людьми». На деле же капиталистическое «наёмное рабство» больших городов, как и предупреждали интеллектуалы Юга, оказалось гораздо тяжелее южного. Бывшие крепостные обратились в неквалифицированную рабочую силу. Их уделом стали нищета и сегрегация негритянских гетто. И, как следствие, – новый виток расовой ненависти. Символично, что самая яркая вспышка её зафиксирована в «негролюбивом» Чикаго, жители которого укрывали когда-то беглых рабов, поддерживали аболиционистов и выдвинули Авраама Линкольна в президенты США. Летом 1919 года в Чикаго разгорелись настоящие, длившиеся почти неделю уличные бои между чёрными и белыми, остановленные только вмешательством войск. В ходе перестрелок погибло 38 человек (из них 23 чёрных), 537 (342 чёрных) были ранены, более 500 арестованы. Город был охвачен пожарами, более тысячи чёрных семей лишились своих жилищ.

Ещё более печальные плоды «освобождения» пожинали южане. Результатом деятельности авантюристов-«саквояжников» и фанатиков-аболиционистов, вооруживших негров и беззастенчиво обманувших их, стали разгул беззакония и всплеск расовой войны.

Ответ американского общества на негритянскую проблему после освобождения оказался однозначен – сегрегация. Только на Севере она оказалась более мягкой (точнее – более лицемерной). Но в целом компромисс, к которому пришли Север и Юг, был следующим: в ответ на Федеральные законы, наделившие негров правами, Южные штаты приняли свои, местные «Законы Джима Кроу». А Верховный суд США признал их не противоречащими Закону о гражданских правах. В 1882 году он признал запрет на межрасовые браки, а в 1896-м – закон о «сегрегации в поездах», принятый в Луизиане. К 1915 году все южные штаты обзавелись подобными законами.

Некоторые ограничения южан обходились с правами негров весьма остроумно.

Например, в Алабаме негр, пожелавший принять участие в голосовании, должен был пройти тест на грамотность, представлявший из себя чтение всего текста Конституции США и Декларации независимости наизусть. В результате на выборах 1900 года из 181,5 тыс. чёрных смогли проголосовать лишь 3000. Поскольку еще в 1940 г. лишь 5% американских негров оканчивали среднюю школу, то и воспользоваться правом голоса на Юге могли не более 5%.

Освобождение не принесло чёрным никакого облегчения, но сам «негритянский вопрос» стал важной картой в руках всякого рода политических демагогов – как расистских, так и антирасистских.

Плавильный тигель, но не для всех

В 20-х гг. XX века новый импульс получает выдвинутая еще 1780-х гг. Э. де Кривекером концепция «плавильного тигля», предполагавшая тотальную ассимиляцию эмигрантов. Символом компании «американизации» стала пьеса-постановка Израэля Зангвилла «Плавильный тигель» (1908 год). Сам Зангвилл говорил о необходимости «создания общей культуры, которая объединяла бы всех жителей страны во имя построения на территории Америки Республики Человека и Царства Божия». Мессианские чаяния Зангвила были с энтузиазмом подхвачены администрациями Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона.

Это также было время расцвета евгенических идей и евгенических экспериментов в Америке. Евгеника была чисто англо-саксонским изобретением. Сам термин придумал в 1885 году кузен Чарльза Дарвина Фрэнсис Гальтон. Философ Герберт Спенсер тут же метко окрестил гальтоновскую теорию о выживании самых приспособленных «социальным дарвинизмом». А последователь Гальтона, радикальный социалистический утопист Карл Пирсон, развил на основе идей своего учителя о селекции человека проект социальной государственной программы.

В 1904 г. евгеника перебирается через океан и обосновывается в Америке, где поклонник Гальтона и Пирсона Чарльз Давенпорт (1866-1944) организует первую евгеническую лабораторию. Давенпорт более настаивал на отбраковке худшего вида человека, нежели выведении лучшего, определив тем самым лицо американской евгеники. В первые десятилетия XX века евгеника становится официальной дисциплиной во многих колледжах США, а сам Ч.-Б. Давенпорт принимает активное участие в формировании новой иммиграционной политики.

Причём на первое место здесь выходит вопрос чистоты расы. Главной опасностью, угрожающей чистоте американской расы после решения индейского и негритянского вопросов, были в это время признаны азиаты.

Подобно индейцам и неграм, азиаты (японцы и китайцы) были признаны неподдающимися ассимиляции. Протестантские фундаменталисты, наследники пуритан, ассоциировали азиатов с землёй Гога и Магога — воинством антихриста, признавая, таким образом, в «монголах» демоническую антирасу. Вопрос о прекращении эмиграции «монголов» решался в течение нескольких десятилетий («Акт о выселении китайцев» 1882 г., закон, запрещающий эмиграцию азиатов, 1917-го) и был окончательно решён «Законом об исключении азиатов» 1924 года, пресекающим всякую возможность японцам получить американское гражданство.

Отец американской евгеники Ч.-Б. Давенпорт и лидеры КKK с одинаковой гордостью говорили о своем вкладе в принятие этого закона, ограничивающего количество эмигрантов ежегодной квотой 150 000 человек, из которых 82% пришлось на север и запад, и 16% — на юг и восток Европы. Таким к концу периода «рождения нации» и

оказался расовый паспорт американца: на 82% это был чистейший WASP, на 16% – белый «второго сорта», 2% составляли незначительные примеси.

Программам расовой чистоты в Америке суждена была долгая жизнь. Так, запрет на «иммиграцию монголов» просуществовал до 1952 г. Запрет на межрасовые браки (в 1905 г. были запрещены также браки белых с «монголами») действовал в Калифорнии до 1967 года. Последние из евгенических программ были закрыты в Виргинии лишь в середине 70-х.

Но вернёмся к мигрантам. В 1965 году Америка приняла новый, в высшей степени либеральный закон, который фактически смёл все преграды на пути цветной миграции. Переплавилась ли цветные народы мира в плавильном тигле? В это, как показывают нам сегодняшние события в Америке, трудно поверить. Другой вопрос: как вообще, начав с пуританского «народа избранных», Америка могла дойти до столь странной идеи, как всесмешение и мультикультурализм?

В 1924 году, приняв самое деятельное участие в осуждении американского закона об иммиграции как расистского, молодой американский сионист Морис Сэмюэль (1895-1972) написал книгу под названием *You Gentiles* («Вы – неевреи», или «Вы – язычники, гоим»). В этой «классической книге еврейского супрематизма», как её часто называют, он указывает на непреодолимую пропасть, которая разделяет белых и евреев *«Годы наблюдений и размышлений всё сильнее убеждают, что мы, евреи, стоим отдельно от гоев, что исходный дуализм раскалывает человечество на две отдельные части; что этот дуализм является фундаментальным и что все различия между вами, гоями, тривиальны по сравнению с тем, которое отделяет всех вас от нас... Я утверждаю прямо, что в Западном мире есть, по существу, два народа, две духовные силы, две существенные по смыслу человеческие группы: евреи и язычники»*, – писал Морис Сэмюэль. Он подчеркивал (в духе самых фанатичных пуритан), что евреи и белые (не говоря о прочих народах) обладают разной человеческой природой: *«Есть две известные мне жизненные силы в мире: еврейская и языческая, наша и ваша... Хотя вы и мы сходимся по всем фундаментальным принципам, всё же мы останемся фундаментально разными. Язык нашего внешнего общения похож, но язык нашего внутреннего значения различен... Различие между нами бездонно. Это различие в поведении и реакции проистекает из чего-то более важного и значительного, чем различие в нашем биологическом оснащении. Это два образа жизни; каждый чрезвычайно враждебен другому. Каждый имеет свою нишу в этом мире, но они не могут процветать на одной почве, они не могут находиться в контакте без антагонизма... Раскол существует, бездонный и неоспоримый. В основе мы навсегда различны... Я не верю, что эта изначальная разница между язычником и евреем является разрешимой. Вы и мы можем прийти к взаимопониманию, никогда к примирению. Пока мы находимся в тесном контакте, между нами всегда будет*

существовать взаимное раздражение».

Итак, вечный раскол, вечная вражда, навсегда различная природа. Нам сейчас не так даже важно, чем именно автор обуславливает это фундаментальное различие (если совсем кратко – единобожием и особым отношением с Богом, которым связаны евреи и которого язычники лишены). Интересно другое: автор истово критикует расистский миграционный закон 1924 года, стоя одновременно на фундаментально расистских позициях и не испытывая при этом никакого когнитивного диссонанса. Неужели человеческая природа и правда настолько различна?

Один из основоположников сионизма, Израэль Зангвилл, изображал в своём литературном творчестве еврейских иммигрантов людьми, стремящимися к ассимиляции.

Однако настоящие его взгляды были примерно теми же, что и Мориса Сэмюэля.

«Америка – это просторная комната для всех шести миллионов обитателей “черты оседлости”; любой из её 50 штатов мог бы принять их у себя», – писал Зангвилл. Но, разумеется, ему и в голову не приходила необходимость переплавлять эти шесть миллионов в плавильном тигле всесмешения.

Оказывается, ничего удивительного в подобном устройстве еврейского сознания нет. Тот же Морис Сэмюэль указывает на понятия здравомыслия, чести и справедливости, которыми обладают европейцы и которые в еврейском мире совершенно отсутствуют. В еврейском мире всё это важное европейцам духовное имущество заменяет преданность Богу: *«Жизнь для вас одно, для нас – другое... Мы не свободны выбирать или отказываться, играть, сочинять, делать что-то более утонченным. Мы народ, закабалённый и посвящённый одной, предопределённой и неизменной, связи. Свобода в целом никогда не была и не является еврейским идеалом. Служение, любовь, посвящённость – это наши идеалы. Свобода ничего не значит для нас; свобода делать что?.. Ваш идеал – Республика Платона. Наш – Царство Божье...»*

Не трудно, конечно, указать на принципиальную ошибку Сэмюэля, который противопоставляет еврея-единобожника – арийцу-язычнику, но не христианину. Конечно, и идеал христианина, несмотря на то, что ему близки понятия чести и справедливости, есть Царство Божие. Но нам в данный момент важно не это, а та горячая убеждённость в своей последней правоте, несмотря ни на какие убеждения логики и здравого смысла, столь важные для европейца. Да, для христианской церкви расовая пропасть вовсе не так глубока: если еврей сердцем принимает Христа, отрекаясь от своего иудейства, все проблемы с точки зрения церкви оказываются сняты. Но не для иудея. С высоты, на которой стоит иудей, он будет отметать любые убеждения христиан, и его вражда к христианской цивилизации не станет меньше.

С высоты бездонного расового дуализма нам становятся понятны внутренние предпосылки и стратегии, которые иначе могут показаться абсурдными. Например, убеждение Зигмунда Фрейда, с юных лет лелеющего в себе образ Ганнибала, воющего

против Рима, или даже (уже в позднем возрасте) нового Моисея, поражающего «египтянина» Римско-католической церкви. А также — Франкфуртской школы культурмарксизма, скрещивающей марксизм и фрейдизм, чтобы создать ментальное оружие против европейской цивилизации. Или движение неоконсерватизма с его ветхим (Лео Троцкий) и новым (Лео Штраус) гуру, ведущими касту избранных на вершину американской власти. Как и деятельность всех прочих еврейских культурных, научных и философских сект XX века. В целеполагающем центре всех этих них всегда лежит **примат выживания своей монолитной группы и — борьба с иными расовыми группами, прежде всего — белыми народами. Она осуществляется путём разложения цементирующих смыслов, таких как: христианство, национальная идентичность, традиционная семья, традиционная культура.**

Когда Морис Сэмюэль, будучи большим другом Хаима Вайцмана, вождя сионистов, писал свою книгу, он, очевидно, видел выход из ситуации в исходе евреев на обетованную землю Палестины. Но мы сегодня существуем в мире, в котором еврейство занимает лидирующие позиции во всех важнейших областях. И такой выход представляется уже невозможным. Но если ответов на поставленные вопросы сегодня нет, то сами вопросы, во всяком случае, должны быть поставлены. И, чтобы сказанное стало яснее, посмотрим на характер действия еврейских групп во время принятия эпохального миграционного закона 1965 года.

Организаторы антирасистского движения

Во всех иммиграционных баталиях с 1881 по 1965 год еврейские организации не просто неизменно шли в авангарде борьбы за безграничную иммиграцию и мультикультурализм, но были практически единственной по-настоящему настойчивой силой никогда не ослабевающего влияния. В конце правления администрации Тафта секретарь Еврейского Американского Комитета (ЕАК) Герберт Фриденвальд признавался, что было «очень трудно найти людей, за исключением евреев, кого бы волновала эта борьба». Но в том, что касалось евреев, это была весьма мощная сила: около 300 национальных организаций с общим бюджетом в 6 млрд долл. (что превышало валовой национальный продукт половины членов Организации Объединённых Наций).

Организации старались действовать мудро, не привлекая к себе чрезмерного внимания. *«Начиная с конца XIX века выдвигаемые евреями антирестрикционистские аргументы обычно маскировались под универсальные гуманитарные идеалы»*, — писал исследователь-социолог Э. Нюрингер.

Важнейшую роль в общеврейском движении (за гражданские права и свободу миграции) играли АДЛ (Антидиффамационная лига), Еврейский Американский Комитет (ЕАК, или American Jewish Committee) и его орган, журнал «Комментари» (впоследствии — центральный орган неоконсервативного движения). В авангарде «ментальных боев» за

мультикультурализм шли бывшие троцкисты и марксисты: «Нью-Йоркские интеллектуалы», группировавшиеся вокруг культового (бывшего марксистского) журнала «Партизан ревью», и члены Франкфуртской школы. Вообще надо заметить, что американский коммунизм 1920-х гг. почти исключительно состоял из иммигрантов. В 1933 г. КП США на 70% состояла из иностранцев; Филадельфийское отделение КП – на 90%, из них более 70% – дети еврейских иммигрантов.

Помимо коммунистов, фрейдомарксистов Франкфуртской школы и неоконгов (бывших троцкистов) в авангарде борьбы выступала Боасианская школа антропологии, отказывавшаяся видеть сколько-нибудь серьёзное культурное различие рас. Все они действовали в тесной связке друг с другом. В 1930-е годы АЕК прямо финансировал Франца Боаса и его школу, занимаясь также широким распространением боасианских образовательных программ в системе образования. Со временем боасианство полностью захватило американские средние и высшие учебные заведения, так что в 1951 г. ЕАК уже мог прямо заявлять в своем обращении к конгрессу США: *«Научные открытия должны заставить даже самых предубеждённых из нас признать безоговорочно, как закон гравитации, что интеллект, мораль и характер не имеют связи ни с географией, ни с местом рождения».*

В 1965 г. Боасианские построения воспринимались уже как стандартная академическая мудрость. Стало модным отрицать существование неких устойчивых этнических различий. Таранами этой идеологии были разрушены последние стены и одержана окончательная победа в принятии миграционного закона 1965 года, открывшего эпоху безграничной миграции.

Но боасианство и связанные с ним движения были не единственным направлением борьбы еврейских групп. Одновременно они рекрутировали в свою военную кампанию расовые меньшинства. У истоков создания Национальной ассоциации за развитие цветного населения (НААСР) в 1909 г. стояли финансисты Яков Шифф и Пол Варбург, целиком финансировавшие эту организацию. Все президенты НААСР до 1975 г. были евреями. В 1917 г. расстроенный чернокожий активист Маркус Гарвей сбежал из штаб-квартиры НААСР, утверждая, что это «организация белых». Ведущим адвокатом НААСР в 1920-х годах был Луис Маршалл, видный лоббист открытой миграции. А до 1933 г. в юридическом отделе НААСР вообще не было ни одного афроамериканского адвоката. В 1960-е годы еврейские структуры обеспечивали деньгами до трех четвертей группы за гражданские права. Лидерами этого широкого мультикультурного, антирасистского движения выступали АЕКомитет, АЕКонгресс и АДЛ. Именно они, замечает исследователь Кевин Макдональд, «обеспечивали основные источники финансирования, разрабатывали тактику и определяли цели движения. Как это было и в случае с движением за выработку политики иммиграции, целью которого было предотвращение развития массового антисемитского движения в Соединённых Штатах». («Культура критики»)

И действительно, до трети американских учителей в начале 1960-х гг. окормлялись образовательными материалами АДЛ. Она предпринимала громадные усилия по устранению христианского влияния в образовании государственных школ. И эта работа шла по нарастающей. С 1985 г. институт АДЛ «Мир различий» подготовил свыше 230 тысяч учителей начальных и средних школ по курсу «культурного разнообразия», осуществляя свои программы также в Германии, России и Южной Африке.

Последствия закона о миграции 1965 года, как и политика мультикультурализма, оказались катастрофой для белого населения Америки. Да и, как видим сегодня, — для всей Америки в целом. С 2050 года белые уже не будут представлять большинство населения страны. Но еще важнее то, что цветные традиционно голосуют за Демпартию, следовательно — за дальнейший развал, хаос и энтропию, которые, конечно, не останутся прерогативой только Соединённых Штатов, но неизбежно охватят (да и уже охватывают) весь мир.

Примером настоящего патриотизма и здравого смысла, увы, не услышанного Америкой, и, возможно, реквиемом по Америке, звучит сегодня речь сенатора Маккарэна (1953), предупреждавшего против следования катастрофической политике мультикультурализма:

«Сегодня, как никогда ранее, бесчисленные миллионы штурмуют наши двери ради въезда в страну, и эти двери трещат под напором. Решение проблем Европы и Азии не придёт через перенос этих проблем в своей массе в Соединённые Штаты....Я не собираюсь пророчествовать, но, если враги этого закона преуспеют в том, чтобы растащить его по частям или поправить до неузнаваемости, они внесут больший вклад в содействие падению нашего государства, чем любая другая группа со времени достижения нами независимости как государства».

Сегодня подобные здравые голоса звучат уже как преданья старины глубокой.

Сегодняшняя Америка сформирована во многом мультикультурным сознанием, мультикультурным образом реальности, видения мира. Лозунги Антифы, кричалки БЛМ, заявления истеблишмента Демпартии, передовицы Нью-Йорк Таймс и новости CNN кажутся вылепленным и испечёнными в одной пекарне. Да так оно во многом и есть.

Американский литератор Уолтер Керр замечает: *«Сегодня... иммигранты, прежде всего, еврейские иммигранты, кажутся больше американцами, чем англосаксонские протестанты. Они — это лица, голоса и образ мышления, которые представляются нам самыми знакомыми, то есть буквально они — наша вторая натура.*

Англосаксонский протестант — нечто лишнее, странное, заскорузлое. Мы глядим на него немного удивлённо и спрашиваем себя: “До чего он дошёл?” Мы помним его — бледный, уравновешенный, чисто одетый, твёрдо уверенный в себе. А сегодня мы видим его аутсайдером, человеком не от мира сего, вполне готовым продуктом для акта исчезновения... Он перестал быть представительным; и мы не замечали этого

до последней минуты. В любом случае, не настолько эмфатично. Что случилось после Второй мировой войны – так это то, что американская чувствительность стала отчасти еврейской; возможно, настолько же еврейской, как и всё остальное».

Когда-то Вернер Зомбарт назвал пуританизм ростком иудаизма, причудливым образом выросшим на христианской почве. И нет, наверное, ничего удивительного в том, что то, что начиналось зарей Нового мира в формате «народа избранных», заканчивается гибелью традиционной Америки в формате «избранного народа». За последние 250 лет еврейские стратегии выживания и успеха привели к тому, что, как признают сами еврейские авторы, при 2,4% населения Штатов евреев сегодня в девять раз больше среди богатейших людей. В списке 100 самых богатых людей мира 33% – евреи. При этом что самих евреев в мире среди иных народов земли не более 0,1%-0,2%. Евреи представляют минимум половину из первых ста богатейших лидеров Уолл-стрита, до 40 процентов ассоциации Лиги плюща (восьми крупнейших частных университетов северо-востока США). Финансирование Демпартии идет наполовину через еврейские организации, республиканцев – на четверть.

Сегодня именно либерально-демократический и неоконсервативный дискурс доминирует во всех важнейших культурных областях и заявляет о себе как об «истинном американизме». При этом традиционный христианский консерватизм со всех сторон подвергается гонениям и обструкции. Те же тенденции мы обнаруживаем и в остальном мире.

Восход чёрного расизма

Многие сегодня, глядя на погромы BLM, сносы памятников героям белой цивилизации, акции сожжения Библий, пожарища в Портленде, коммуны в Сиэтле, задаются вопросом: какова настоящая суть всей этой «борьбы с расизмом»? Не так давно одна из основателей Black Lives Matter из Канады (Торонто) Юсра Хогали высказалась следующим образом: *«Белая кожа – это ненормальность, свойственная недочеловеку. Все фенотипы существуют в семье чёрных народов, а белые люди – генетический дефект черноты. Чёрные просто при помощи своих доминирующих генов могли бы буквально смести с лица земли белую расу, будь у нас такая возможность».* Это высказывание мы и возьмем за точку отсчёта.

Хогали (имеющая, говорят, награду города Онтарио за образцовое лидерство) высказала именно то, что тут и там прорывается в акциях BLM и Антифы. Перед нами не что иное, как самый радикальный, насколько это вообще возможно, расизм. Его задача – уничтожение, прежде всего, традиционного белого цисгендерного мужчины и традиционной семьи, которые, в глазах Антифы и BLM, являются вечными источниками фашизма. А в идеале им бы хотелось уничтожения белого населения планеты как такового.

Ещё один пример. Чернокожий преподаватель престижного Барнард-Колледжа в Нью-

Йорке, доцент кафедры английского языка и киноискусства Бен Филипп предложил в своей книге «взорвать» или «отправить в газовые камеры» всех белых людей. Он желал бы собрать белых людей, устроить взрыв и пустить газ: *«Я буду улыбаться, когда мы поднимем бокалы за ваше доброе белое здоровье, в то время как детонатор под столом замигает, выходы будут заблокированы, а вентиляционные отверстия начнёт заполнять газ».*

Кому-то высказывания Бен Филлипа или Юсры Хогали могут показаться словами отморозков, сумасшедших, каких сегодня немало. Важно, однако, что «новая нормальность» позволяет безнаказанно делать такие высказывания, более того — одобряет их. Фактически мы имеем дело с расовой войной, маховик которой сознательно раскручивается теми, кто стоит за «новой нормальностью». И сказанное этими милыми людьми на самом деле мало чем отличается от высказываний гораздо более респектабельных строителей нового порядка мира.

Так, известный американский политолог и военный стратег Томас П.М. Барнетт в своей книге «Новая карта Пентагона: война и мир в XXI столетии» называет организацию потоков беженцев в Европу одной из основных стратегий глобализации и расширения американской экспансии. Он утверждает, что национальные границы должны быть упразднены, расы смешаны, старые моральные ценности и религии упразднены. Конечной целью должно стать равенство всех рас и формирование единой светло-коричневой расы Европы. Для достижения этого результата Европа должна принимать ежегодно не менее 1,5 миллиона иммигрантов из третьего мира. В конечном счёте, развивая Бернетт свою мысль, получится население со среднестатистическим IQ 90. Оно будет достаточно интеллигентным, чтобы работать, но достаточно индифферентным, чтобы сопротивляться «новому порядку».

В сегодняшних американских университетах белых учат ненавидеть самих себя. Так, Билл Клинтон с гордостью вспоминал, как в пору своего президентства заявил в аудитории Портлендского университета, что к 2050 г. белые станут в Америке меньшинством. И зал в ответ на это взорвался аплодисментами. Здесь прекрасно всё: и гордость президента страны, и радость студентов, рукоплещущих гибели собственной расы, культуры, страны.

Американский поэт Роберт Фрост высказался как-то о либерале как человеке, который *«мыслит слишком широко, чтобы принять свою собственную сторону в споре».*

Справедливо. Однако дела обстоят гораздо хуже, чем думал вовремя умерший старик Фрост (умер он в 1963-м). Американское поколение бэби-бумеров было инфильтровано людьми вроде Сюзан Зонтаг (Розенблатт), которая в шестидесятых редакторствовала в неоконном Commentaru и писала в культовом среди американской молодёжи журнале «Партизан Ревю» в таком духе: **«Белая раса — это раковая опухоль человеческой**

истории».

Движение BLM возникло в 2013 году в результате слияния нескольких черных расистских движений: «Нации Ислама», «Чёрных пантер» и некоторых других, менее известных групп. Поводом послужили волнения вокруг убийства полицейским Дж. Циммерманом в феврале 2012 года семнадцатилетнего афроамериканца во Флориде. По-видимому, движение изначально создавалось и росло под чутким руководством и кураторством Демпартии и лично Барака Обамы. У его истоков стоял преподобный Эл Шарптон, пастор баптистской церкви, автор боевого лозунга «Нет правосудия – нет мира» (то есть пока не посадят полицейских, будут погромы).

Шарптон известен также следующим спичем, произнесённым в 1994 году перед студентами НьюДжерси: *«Мы построили пирамиды до того, как Дональд Трамп узнал, что такое архитектура. Мы преподавали философию, астрологию и математику до того, как Сократ и их греческие гомосексуалисты до всего этого дошли».*

Преподобный, вероятно, имел в виду древних египтян. Но и это высказывание звучит совершенно в духе BLM и Зонтаг.

У пастора Шарптона собственное ток-шоу на канале MSNBC, он на короткой ноге с Обамой, и в пору его президентства частенько бывал у него в гостях в Белом доме. Одновременно преподобный завёл дружбу с Джорджем Соросом, для которого стал удобным проводником (до Белого дома Сороса тогда не допускали). После победы Трампа в 2016-м стало ясно, что время пришло, и формат, в котором следует запускать BLM, определился.

Впрочем, разговоры о том, что Демпартия отрачивает ультралевое крыло (Антифа – на улицах, ультра-социалистка Александрия Окасио Кортес со своей группой в конгрессе), либеральная пресса вела как минимум с 2014 года. Что же касается стратегии массовых бунтов, то она родом из шестидесятых. В начале 1960-х молодые агитаторы-радикалы из движений вроде «Национальной ассоциации содействия цветному населению» (NAACP), «Студенческого координационного комитета ненасильственных действий» (SNCC) и др. ринулись на Юг, поднимать чёрных на политическую борьбу. По одной из версий, именно отсюда пошло словечко hippie – так черные называли на своем сленге трущихся среди них белых. Усилия не пропали даром. Шестидесятые громыхнули самыми мощными чёрными бунтами в истории Америки: в 1967-м – 159 беспорядков, самые кровавые в Детройте (43 погибших, более тысячи раненых) и Ньюарке (26 погибших, сотни раненых). В следующем году, после убийства Мартина Лютера Кинга, бунты вспыхнули с новой силой, прокатившись по ста десяти городам страны. Это же было время глубокой радикализации негритянского движения.

В начале 60-х «блистают» Малькольм Икс, лидер «Нации ислама» (широко известной религиозной секты, членом которой был, например, Муххамед Али), а позднее политической «Организации африканского единства». Друг Фиделя Кастро, обласканный

первыми лицами европейских государств, Икс стал самым узнаваемым лицом негритянского политического движения, гораздо более известным в своё время, нежели пресловутый Кинг.

«Чёрные пантеры», которые заявляют сегодня о своём возрождении, тоже рождены шестидесятыми. Их можно назвать радикальным ультралевым крылом «Африканского единства». При поддержке кумиров 60-х (Дженис Джоплин, Джон Леннон, etc.) эти радикалы-марксисты в чёрной униформе и с автоматическим оружием обрели большую популярность в революционной Америке шестидесятых. Идеологией «Пантер» стало создание независимой «чёрной нации» и чёрного государства на территории США. 1966 год был ознаменован рождением боевого лозунга Black power («Власть чёрным»), объединившим вокруг себя всех лидеров чёрных группировок. После массовых чёрных бунтов 1967-го последователи Икса и «Чёрных Пантер» объявили о создании «Республики Новая Африка» на территории южных штатов, президентом которой был избран идеолог «Пантер» Роберт Уильямс. Последний, в свою очередь, объявил о поддержке мировой социалистической революции во всем мире.

У Black power была не только своя армия, свои политики и своя марксистская идеология, но и своя теология, разработанная выпускником Калифорнийского университета Альбертом Клиджем, выбравшим путь пасторства. Погрузившись, после бурной калифорнийской атмосферы, в протестантскую теологию, Клидж пришёл к выводу, что Бог-Отец — чёрный, следовательно, Иисус и Мария также были чёрными. Чёрными, по мнению Клиджа, были и евреи Ветхого Завета. Однако эту истину скрыл апостол Павел, намеренно извратив текст Евангелия, чтобы его смогли воспринять белые римляне. Скрыл Павел и настоящую миссию Иисуса, посланного к чёрным, чтобы освободить их от господства белых. *«Пока чёрные готовы принять эту ложь, они ни освободят себя от духовного рабства перед белыми и не заслужат права быть гражданином первого сорта в царстве Христовом на земле»*, — заключал Клидж в своей книге «Чёрный мессия».

Учение Клиджа очень скоро нашло своих последователей. Так что самые кровавые чёрные бунты в Детройте 1967-го были вызваны во многом его проповедью. И сегодняшние, обходящие мир кадры с улиц Нью-Йорка, на которых белые целуют ноги чёрным проповедникам, родом оттуда.

Как видим, все идеологические концепты чёрного расового движения были полностью готовы уже в 1960-е. За прошедшие десятилетия эти учения пустили корни и радикализировали немалую часть чёрного населения Америки.

Образование и перезагрузка культурного кода

Наконец, коснёмся ещё одной принципиально важной для нашего разговора темы. Это — тема образования. Понятно, что именно здесь сегодняшние кураторы «новой нормальности» держат руку на пульсе в первую очередь. Образование — самый простой и

действенный метод искоренения старой культуры. Сегодня неоллибералами-необольшевиками захвачены уже не только кафедры престижных университетов, как это было в 1960-х. Сегодня они берут под свой контроль и среднюю школу, приходят в детские сады, неся идеологию секспросвета, мульткультурализма и проч.

После Второй мировой войны количество университетов и людей с высшим образованием в мире резко выросло. Так, в США за тридцать послевоенных лет количество университетов выросло с 40 до 600. Казалось бы, повышению образовательного ценза и роста количества образованных людей можно только радоваться. Если бы не одно «но». Растущие как грибы после дождя университетские кафедры и кампусы новых университетов стремительно захватывались неоллиберальной и ультралевой идеологией.

В промывку мозгов белой молодёжи вкладывались огромные деньги и силы.

Университетские кафедры в США тщательно паслись такими неформальными, но весьма влиятельными сообществами, как «Нью-Йоркские интеллектуалы», одним из важнейших органов влияния которых в молодёжной среде был троцкистский журнал, упомянутый «Партизан ревью», некогда орган компартии США, перешедший в это время на неоллиберальные и культурмарксистские позиции. Журнал этот стал культовым среди университетской американской молодёжи, обрабатывая сознание бэби-бумеров в леворадикальном ключе, воспевая мультикультурализм и ненависть к белой цивилизации. Одновременно средние учебные заведения окучивали школа боасианской антропологии и фрейдистская психология, ставшая в это время весьма влиятельной в США силой. А Антидифамационная лига (АДЛ) вливала огромные средства в подготовку школьных учителей. В ещё большем масштабе подобную работу ведёт Фонд Сороса. Недавно Сорос объявил о создании всемирной сети университетов Open Society University Network, своего рода глобальной обучающей платформы, цель которой – продвижение климатического движения и борьба с «авторитарными правительствами» по всему миру. Во главу угла обучающих программ сети должно быть поставлено продвижение интересов «ущемлённых групп» (сексуальных, национальных, религиозных меньшинств). Новый образовательный конгломерат призван объединить все известные соросовские институты: британские, французские, американские и т.д.

Впервые эта адская бомба громынула в 60-е, когда студенческие волнения, начинавшиеся в университете Беркли (Калифорния), охватили все университеты США, а затем перебрались в Европу, чуть было не обрушив в революционный пожар Францию Шарля де Голля. Сегодняшние события в Америке и Европе – бунты БЛМ и уличные погромы Антифы, сносы памятников «белым колонизаторам» и прочее – вполне уже можно квалифицировать как новое переиздание революции 60-х.

В середине декабря Америку потряс скандал, связанный с одной из самых престижных частных американских школ – Dalton School на Манхэттене. Персонал школы (как водится, поголовно ультралевый) выступил с рядом требований. Среди которых,

например, такие: 1) нанять психологов, специализирующихся «по психологическим проблемам меньшинств»; 2) нанять отдельного сотрудника, который будет рассматривать и поддерживать «жалобы чёрных учеников»; 3) пригласить 12 комиссаров по «диверсити» (т.е. многокультурности) на полную ставку. Последнее – вещь для Америки вполне уже стандартная. Так, в третьем по величине американском университете Ohio State University отдел «комиссаров по диверсити» насчитывает сотню сотрудников с ежегодным бюджетом в 10 млн долларов. Персонал также требует введения обязательных курсов на тему «чёрного освобождения» и «вызовов превосходству белых», а также обязательного содержания темы диверсити в школьных пьесах. Но главное не это. Учителя заведения (обучение в котором стоит 54 тыс. долл. в год) требуют, чтобы все курсы повышенного уровня были отменены в том случае, если чёрные студенты получают отметки ниже белых (!).

Ещё раз отметим, что Далтон – одна из самых престижных школ Нью-Йорка, в которой обучаются дети, которые затем приходят в главные университеты страны и формируют её элиту. И то, что здесь происходит сегодня, завтра станет общим местом повсюду. Что означает требование отмены курсов повышенного уровня в случае, если чёрные будут получать отметки ниже белых? Это значит, что образование начинает ориентироваться не на успевающих, а на отстающих. Что если у вас был, к примеру, физико-математический класс, который выпускал элиту для физических факультетов ведущих университетов, и в этот класс завезли двух аборигенов из Зимбабве, не знающих английского языка, то физматкласса у вас больше не будет. Кстати, родители Далтона забили тревогу, когда выяснилось, что выпускники школы начинают все хуже поступать в колледжи.

Англичане жалуются, что именно таким образом за последнее десятилетие уничтожили классическое английское образование. Добивание английского образования продолжается и сегодня. Приведём пример. Оксфордские профессора, близко к сердцу относясь к движению BLMatter, в рамках борьбы с расизмом, рассматривают план отказа от классической музыки и нотной грамоты в принципе. Классическая музыка и нотная грамота, по их мнению, «слишком колониальны», музыкальная нотация является частью «колониальной репрезентативной системы», а Бетховен и Моцарт (не говоря уже о Бахе) «причастны к превосходству белых». Ещё более удручает профессоров то, что само музыкальное образование в его нынешнем виде сосредоточено на «белой европейской музыке времён рабства». Преподавание нотной грамоты – это настоящая «пощёчина» цветным студентам, возмущаются преподаватели, ведь нотная запись так и «не избавилась от связи с колониальным прошлым». Можно ли, после всех ужасов рабства, заставлять студентов учиться играть на фортепиано или дирижировать оркестром? Ведь всё это «структурно центрирует белую европейскую музыку», причиняя нестерпимые страдания цветным студентам. Отныне развитие музыкального образования в рамках борьбы с белой гегемонией и «деколонизацией» изучения музыки оксфордские

преподаватели намерены вести по пути «более инклюзивного ребрендинга». Изучение классической музыки могут, например, заменить такие предметы, как «Музыка африканской и африканской диаспоры», «Этническая музыка» и «Поп-музыка».

Что же касается белых гетеросексуальных профессоров Оксфорда, то им, вероятно, остаётся лишь скорейшее, желательно немедленное, самоискоренение.

Ещё один пример. В начале 2021 года американское издание *American Thinker* опубликовало статью известного филолога, автора нескольких книг Джеффри Фолкс «Ресексуализация некрофилии»: полюбуйте, что на уме у профессоров, которые учат ваших детей». Побывав на симпозиуме современного языка в Сиэтле, автор резюмирует ситуацию следующим образом: *«Любой нормальный, здравомыслящий человек, случайно оказавшийся на симпозиуме Ассоциации современного языка, подумает, что ненароком забрёл в лечебницу для умалишенных интеллектуалов»*. Список курсов университета в Беркли включает следующие образовательные программы: «Читая Маркса сегодня», «Американский обман: раса, этническая принадлежность и мечты о прогрессе», «Экокризис и климатические беженцы», а также «Бесполезен ли бунт?». Разумеется, нет, — саркастично заключает Джеффри Фолкс.

Именно такое положение дел должно, по мысли Сороса, АДЛ и других подобных организаций, утвердиться повсюду. Заметим, что начиная с 90-х гг. фонд «Открытое общество» Сороса вёл самую активную деятельность и у нас, в России, в общей сложности с 1995 по 2003 год, вложив более 1 млрд долл. на образовательные, издательские программы и гранты, которые получили 64,5 тысячи учителей, профессоров и студентов. Фонд спонсировал написание новых учебников (в том числе для МГУ), закупку книг у издательств и поставку их в библиотечные фонды. 30 ноября 2015 года Генпрокуратура РФ признала деятельность фонда нежелательной на территории нашей страны. Тем не менее общемировые тенденции образования (то есть его методичного уничтожения) сохраняются и у нас. И наши университеты, как и американские, почти поголовно заражены неолиберальной и леворадикальной идеологией, и в наших школах прогрессирующее стирание исторической памяти и «ориентация на неуспевающих» находятся в общемировом тренде. Надежда наша лишь на то, что идём мы, как всегда, медленно и неуклюже.

Кинооправдание инферно

Наконец, обратимся к ещё одному фронту культурной войны, возможно, даже ещё более принципиальному, нежели образование. Это – кинематограф. Сегодняшний Голливуд выступает как мировое министерство пропаганды, создающее культурный код постмодерного мира. Мы рассмотрим весьма любопытный «артефакт» подобного рода. Речь идёт об одном голливудском фильме, вышедшем на экраны два года назад. Фильм этот детский, семейный, имеющий код 6+. По сути – блокбастер для детей, в главной роли которого снялась Анджелина Джоли. Речь идёт о фильме студии Walt Disney Pictures «Малефисента. Владычица тьмы» (2019) – сиквеле фильма «Малефисента» 2014 года. Перед нами – самый что ни на есть мейнстрим. Это картинка, которая должна впечататься в мозг ребенка, стать общим местом, ведущим трендом, мемом, модой и, наконец, новым культурным кодом. На это работает всё, начиная от Анджелины Джоли в главной роли и кончая широкой раскруткой образа рогатой девы в СМИ, соцсетях, различных флэшмобах и т.д. Одним словом, перед нами не рядовое кино, но кино, определяющее столбовую дорожку масскульта.

«Управлять людьми посложнее, чем бегать по полям с цветком в волосах», – говорит королева Ингрид принцессе Авроре, прямо отсылая юного зрителя к «детям цветов» в однозначном контексте. Ведь королева Ингрид – олицетворение зла (и, в целом, – традиционного белого мира), что подчёркнуто древним германо-скандинавским именем. При этом персонаж Аврора – олицетворение добра и прекрасного будущего (Аврора – утренняя заря). Она, как Грета Тунберг, выступает за «всё хорошее». И, прежде всего, – за мир между всеми живыми существами – от букашек и всевозможных болотных уродцев до демонических тварей включительно.

Итак, дети цветов, вот эти самые хиппи 60-х, – идеал, к которому должны стремиться наши детишки. О чём же фильм «Малефисента»? Первый фильм вышел в 2014 г., и его сюжет, если совсем кратко, – это полностью перевёрнутый с ног на голову пересказ знаменитого диснеевского мультлика «Спящая красавица» 1959 года, ставшего, по сути, символом студии «Дисней». Заметим, что сам Уолт Дисней был одним из немногих консерваторов Голливуда, с первых дней своего существования кишащего большевиками и троцкистами. У Диснея был традиционный европейский сказочный сюжет о принцессе, долгожданном ребёнке королевской семьи, поздравить которую приходят добрые феи. А затем появляется злая фея Малефисента и накладывает на принцессу проклятие, разрушить которое может только поцелуй любви. В традиционной сказке поцелуй любви совершает принц. В новой версии – и принц, и король (отец принцессы) – представители шовинистического мужского мира – оказываются беспомощны, и поцелуй любви совершает... сама Малефисента. Итак, олицетворение зла старой сказки становится главной героиней сказки новой.

В своё время ведущий итальянский большевик Антонио Грамши создал теорию, согласно которой, прежде, нежели совершать мировую революцию, необходимо завоевать «царство культуры». Причём главной мишенью для нас, говорил Грамши, должна стать Христианская церковь. Пока мы не оторвём сознание пролетариата от церкви, нам его симпатий не завоевать. Последователи Грамши неуклонно следуют данным канонам, причём на самом базовом, фундаментальном, мифологическом уровне: ведь именно ведущий культурный миф является основой всякой цивилизации и культуры.

Следовательно, для торжества «дивного нового мира» христианский миф должен быть заменён антихристианским. А главным объектом диверсии – стать дети самого нежного возраста, сознание которых ещё не успело впитать традицию. Так действуют создатели «Малефисенты», беспощадно выкорчёвывая из детских умов традиционный культурный код и впечатывая в него код новой – постхристианской, мультикультурной, глобальной цивилизации.

В первой части фильма злом объявлялась традиционная семья и шовинистический мужской мир. Принцессу удочеряет и возрождает к новой жизни Малефисента. Это существо из иного мира, с явными атрибутами зла (рога, заострённые скулы и уши, тёмные крылья), имеющее волю проклинать и убивать. В традиционной христианской системе ценностей перед нами – подчёркнуто демоническая реальность. В толерантной, политкорректной формуле – это просто некая другая, незнакомая нам культура.

Сама же Малефисента – существо до конца не определившееся, злое не по природе, а по обстоятельствам (её обманул именно мужчина!). Такова неприхотливая фабула пересказанной сказки с её мощным феминистским и явным лесбийским подтекстом. Итак, главный посыл первой Малефисенты ребёнку был таков: как только ты немного подрастёшь, немедленно оставь свою авторитарную семью ради новой мультикультурной семьи: субкультуры детей-цветов или тёмной романтики. На это же работает и выбор актёра, играющего служку Малефисенты, ворона Диаваля (т.е. по-русски – дьявола). Его сыграл Сэм Райли, молодой актёр, прославившийся ролью Йэна Кёртиса (в фильме «Контроль»), лидера группы Joy Division, культового родоначальника тёмной музыки. И, наконец, главный вывод: «Два королевства примирила та, в ком соединились и зло, и добро!» – этой фразой завершается первый фильм. Итак, мостик между двумя мирами – человеческим и демоническим – наведён.

Вторая «Малефисента» показывает нам вторжение мира инферно – крылатых рогатых тварей, живущих в мрачных подземельях. Они политкорректно названы здесь тёмными эльфами. Причём авторы делают небанальный ход: мужской мир уже не предстаёт здесь абсолютным злом, он оправдан и допущен к существованию. Но, разумеется, лишь потому, что полностью присягает новому, пройдя необходимую инициацию. Абсолютное Зло олицетворяет здесь королева Ингрид, женщина-мать как символ всего традиционного христианского мира.

То, что она при этом истовая католичка, подчёркивает центральный эпизод фильма. Своё самое чудовищное преступление (которому королева придаёт религиозный, спасительный смысл: навсегда избавить наш мир от нечисти!) она совершает в храме, что эстетически безошибочно и даже излишне навязчиво акцентировано. Пригласив всех ползучих, летающих и прямоходящих «расово неполноценных» уродцев с болот на свадьбу, она запирает их в прекрасном готическом соборе и... «Пусть грянет музыка!» — с этим возгласом служка королевы Герда (тоже — говорящее имя, здесь — символ преемства мира традиционной культуры) вдохновенно ударяет по клавишам соборного органа. И под звуки католической мессы или фуги Баха (всей этой, одним словом, христианской «мерзости») под сводами собора начинает клубиться ярко-красный ядовитый дым, от которого волшебные жители болот начинают умирать. Но не просто умирать, а превращаясь при этом в чудесно распускающиеся цветы. Однако сей новый «холокост» злодеям не удаётся: дети-цветы оказываются в конце концов живы и невредимы. Освобождённые из христианского узилища верным вороном Диавалем и прекрасной Авророй, они высыплют на площадь, где к ним слетаются все демоны преисподней. Они — «на лицо ужасные, добрые внутри». И, одновременно, всевозможных расцветок: белые, жёлтые, чёрные и даже с африканскими попугайскими крыльями. Затем, побросав ненужное больше оружие, к ним присоединяются и растроганные жители постхристианского королевства! При этом служку королевы, вдохновенно игравшую своего убийственного Баха, чудом выжившие дети-цветы стаскивают вниз. И, вероятно, забивают ногами.

С королевой-матерью, живым олицетворением всего чудовищного христианского мира, поступают ещё более интересно. Малефисенту подло убивают, но она, обращённая в пепел, воскресает от слёз Авроры, превращаясь в птицу Феникс. Затем она вновь возвращается к своему привычному образу и превращает королеву в рогатую козу. Здесь, конечно, также скрыт красноречивый символ, отсылающий к библейской традиции «козла отпущения».

Малефисента же, полностью доказав свою доброту (она дважды самоотверженно спасла жизнь Авроре, и та назвала её мамой!), становится подлинной владычицей нового мира. На самом-то деле она, конечно, всегда была доброй. А злой её объявил старый христианский мир. Последний кадр: влюблённые на балконе. «Новый день настаёт!» — трепетно вздыхает Аврора, богиня утренней зари и почти уже революционный крейсер. В следующий же миг из тёмных глубин взмывают, накрывая весь горизонт, чёрные крылья Малефисенты. «Я ещё вернусь крестить ваших детей», — хохочет откуда-то сверху «Абсолютное Добро». Хэппи энд!

Ещё один показательный «киношедевр» — фильм «Джокер» (2019 года). Как и «Малефисента», обласканный прессой — это не просто продукт кинематографа. Это — новое «программное обеспечение», специальный механизм по перезагрузке

традиционного культурного кода белого человека. Это — фильм-плакат, фильм-призыв. Ну не «Броненосец Потемкин», конечно, но, как и тот, — чистейшая агитка: символ и знамя БЛМ-бунта-2020. «Вставай, бунтуй, убивай!» — вот настоящий слоган этого фильма. «Джокер» — 2019 — это не запредельное inferнальное зло «Тёмного рыцаря» (2008 год), это — inferно, уже вылившееся на улицы. Этот фильм программировал сознание каждого юного американского болвана, накачанного левой идеологией. Так, чтобы и он мог почувствовать себя «тёмным рыцарем». От маргинала-неудачника начала фильма — к настоящему «герою на пятнадцать минут» — вот путь, указанный «Джокером». Здесь inferнальное зло, не теряя своего обаяния, растворяется в тысяче ликов. Символом чего становится маска клоуна. Надень маску — почувствуешь себя Джокером. Неудачник первых кадров фильма становится всё сильнее, свободнее и круче с каждым новым совершённым убийством. А вот и главная цель — государство, которое символизирует избирающийся мэр Гетхэма Томас Уэйн (в котором мы, конечно, сразу узнаём Трампа). Это богатый белый мерзавец, соблазнивший когда-то мать Джокера и упрятавший её в психушку. Убийство мэра — логическая точка фильма, его главный контрапункт. Вслед за ним следует триумф: Джокера несёт на руках бунтующая толпа, превращая его в икону протеста. Такова непосредственная «инструкция для революции», ставшая рабочим триггером американской улицы в 2020 году.

Публикация: Изборский клуб №5(91)